

УДК 159.922

ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© Г. В. Акопов

Акопов Гарник Владимирович

доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной академии психологических наук, почетный работник высшего профессионального образования

заведующий кафедрой социальной психологии Самарского государственного педагогического университета

Анализируется ряд отечественных и зарубежных психологических и философско-психологических работ по проблеме сознания.

Ключевые слова: сознание, структура, модель.

Существующие в Российской психологии научные подходы к решению проблемы сознания группируются в направлениях естественнонаучной (сциентизм) и гуманитарной традиции. Пересмотр критериев научности (различные типы рациональности) в последние десятилетия с необходимостью подводит к мысли о ключевой роли понятия, форм, типов и др. производных термина «сознание» в предупреждении или даже преодолении элементов паранауки, распространяемой в научном «обличии». Что касается гуманитарной традиции, то она весьма незначительно представлена в отечественной психологии. Идеи Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина и др. недостаточно адаптированы в теоретических или методических построениях отечественных психологов.

Современная психологическая практика неизбежно вовлекает теоретическую психологию в обсуждение экзистенциальных проблем, решение которых не может быть выработано вне категории сознания. Как представлена эта категория в отечественной психологии, в какой степени реализован тезис Л. С. Выготского о центральности этой категории для всей психологии, образуют ли учения о сознании отечественных психологов (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, К. А. Абульханова-Славская, В. П. Зинченко, А. Г. Асмолов, Ф. Е. Василюк, В. Ф. Петренко, В. М. Аллахвердов и др.) определенное единство или это совершенно разнокачественные программы исследований сознания?

Категория сознания, переживающая ныне свое второе (третье?) рождение, после пионерских работ

В. Ф. Петренко по психосемантике сознания, определила новые точки роста не только отечественной психологии (В. М. Аллахвердов, В. П. Зинченко, О. В. Гордеева, Е. В. Субботский, Ю. М. Швалб, Н. Б. Шкопоров, Е. В. Улыбина, Г. В. Акопов, А. Ю. Агафонов и др.), но позволила сформировать новую область научных исследований в США и Западной Европе (The Science of Consciousness).

В концептуально-обзорной работе автора по проблеме сознания в отечественной психологии [1] в процессе последовательного структурированного рассмотрения сознание выводится за пределы произвольных ограничений частной темы в рамках общей психологии и в широкой совокупности теоретических взглядов, прикладных и эмпирических изысканий отечественных психологов различных направлений и школ постреволюционной (1917 г.) эпохи, обретает свою психологическую предметность, целостность и глубину.

Несколько иная ситуация в спектре подходов и решений проблемы сознания в Западной Европе и США. В отклике на книгу М. Velmanz'a [17] (по мнению А. Zeman'a, одной из лучших, написанных о сознании в последнем десятилетии) рецензент объясняет резко возросший интерес к сознанию в науке тремя взаимосвязанными причинами. Первая связана с существенным прогрессом в развитии нейронауки. Хотя картина еще не полна, нейронные корреляты таких сознаваемых процессов, как зрительное восприятие, эмоции, память начинают проясняться в связи с исследованиями на животных, больных с повреждениями мозга и недавними исследованиями с использованием функционального отображения мозга у здоровых людей. «В то же время, психологи-экспериментаторы преодолели свою нервозность в изучении сознания». Исследование таких феноменов, как слепота, способность некоторых слабовидящих точно угадывать характеристики зрительных стимулов, о которых у них нет сознаваемого зрительного опыта, обещает прояснить различие сознаваемых и несознаваемых процессов мозга. Третий источник «ветра в парусах исследований сознания» связан с работами в области искусственного интеллекта (Zeman).

Другой, широко известный и весьма активный исследователь сознания D. Chalmers выделяет три раздела, группирующих все множество проблем: 1. Философия сознания; 2. Философские теории психических явлений (разум, память и др.); 3. Наука о сознании.

По Чалмерсу, ключевой вопрос проблемы сознания — это вопрос о том, почему информационные процессы различения, обобщения и т. д. не свободны от внутренней чувствительности (субъективный опыт, переживание, сознание).

Отсутствие ответа обозначается как «объяснительный пробел» между функциями и опытом сознания; необходим «объяснительный мост», материалы для которого еще предстоит найти. Согласно Чалмерсу, для объяснения сознания необходим новый подход. Обычные объяснительные методы когнитивной науки и нейронауки недостаточны.

Работы Чалмерса вызвали многочисленные отклики как критического, так и поддерживающего характера. Так, известный исследователь проблемы D. Dennett выступил против идеи Чалмерса «сортировать» проблемы сознания на легкие и трудные, считая, что такой подход уводит внимание исследователей в сторону [6]. Против деления проблем сознания на легкие и трудные выступил также Е. J. Lowe, который считает, что это иллюзия думать, что есть легкая проблема, поддающаяся решению использованием вычислительной (когнитивизм) или нейронной парадигм [9].

D. Hodgson доказывает, что некоторые легкие проблемы сознания не могут быть решены, пока не решены трудные [7]. Используя систему логически связанных утверждений, S. Horst доказывает, что если трудная проблема сознания не может быть решена физикалистски, то и эволюционно она не решается.

W. Seager, соглашаясь с Чалмерсом в том, что не видит иного решения проблемы объяснения, «как материальные процессы могут порождать сознание», в то же время приходит к выводу, что предположение Чалмерса о сознании как фундаментальной характеристике мира вызывает у автора ассоциацию с некоторой формой панпсихизма [11].

Анализируя трудную проблему (почему физические процессы приводят к осознаваемому феноменальному опыту), E. Mills приходит к выводу, что теоретическое построение Чалмерса не может помочь в ее решении [10].

B. Libbet также находит изъяны в теории Чалмерса и, опираясь на собственные экспериментальные исследования мозговых процессов, объясняет сознание как эмерджентное свойство нейронной активности.

J. Shear считает, что «трудную проблему» необходимо исследовать также систематически, как и явления материи, привлекая, в частности, данные соотношения психического и физического развития в раннем детстве, а также систему представлений Восточной культуры и опыт изучения «чистого сознания».

F. J. Varela, подвергая сомнению основное положение Чалмерса, развивает авторский подход, инспирированный стилем феноменологических исследований, названный «нейрофеноменологией».

T. W. Clark критикует взгляд на сознание как на нечто, сопровождающее или продуцируемое состояниями нейронов, нечто выходящее за пределы функционирования когнитивных процессов, реализуемых в мозге. Такая точка зрения создает, по мнению автора, ситуацию «объяснительной дыры» между функцией и феноменологией, которая не может быть преодолена функциональной теорией психики. Автор рассматривает гипотезу об идентичности субъективного переживания определенной информации, порождаемой контрольно-поведенческой функцией. Эта гипотеза объясняет, как считает T. W. Clark, изоморфизм между структурой переживания и нейронной организацией, обеспечивая естественное объяснение сознания как относительных свойств информационных состояний, а не отдельной онтологии феноменальных сущностей.

Объединяя множество исследований по проблеме сознания понятием «наука сознания» (The Science of Consciousness), M. Velmans обстоятельно обсуждает вопросы дефиниции и местонахождения сознания. Автор констатирует наличие множества определений и общеупотребительных терминов «consciousness», «awareness», «conscious awareness» (иногда «phenomenal awareness») как синонимов.

Как отмечает M. Velmans [16], в некоторых произведениях «сознание» (consciousness) синонимично с «психикой» (mind), что, по мнению автора, слишком расширяет определение сознания, включая в него и бессознательные психические процессы.

В других произведениях сознание синонимично с самосознанием (self-consciousness). Такое определение, считает M. Velmans, слишком узкое, т. к. человек может сознавать также другие вещи (других людей, внешний мир и т. д.) помимо себя.

В споре Дуализм-Редукционизм M. Велманс занимает особую позицию, развивая собственную теорию «отраженного» (reflexive consciousness) сознания.

Анализируя позиции дуализма и редукционизма в решении вопроса о локализации сознания, M. Велманс приходит к выводу, что «классические дуалисты и редукционисты, страстно не соглашаясь по вопросу о том, где оно находится — где-то в мозгу» [15], вполне солидарны в решении вопроса определения и функций сознания.

M. Велманс считает вполне редукционистским тезис о том, что научные изыскания приведут к открытию нейронной основы сознания и объяснению явлений сознания в терминах нейронауки, и тем самым будет показано, что сознание — это не более чем

состояние мозга. Возражение М. Велманса состоит в том, что «причины онтологически не идентичны производимым эффектам», что иллюстрируется на примере явлений электричества и магнетизма (движение провода через магнитное поле вызывает электрический ток, текущий по проводу, но это не значит, что электроток онтологически идентичен движению провода; также неверно говорить, если обратить этот эксперимент, что ток, текущий в проводе онтологически идентичен окружающему провод магнитному полю, возникающему в результате).

Предполагаемая М. Велмансом отражательная модель (reflexive model), как считает автор, стимулирует научные исследования нейронных и психологических причин сознаваемого опыта, но только с позиций, что ощущение, переживание и т. д. локализуется не в головном мозге, а в точке воздействия (палец или другой участок тела в случае укола булавкой) посредством механизма, названного М. Велмансом «перцептуальной проекцией» («perceptual projection»). Для иллюстрации механизма М. Велманс обращается к примерам фантомной конечности (рука, нога). Автор считает, что «перцептуальная проекция» — общий механизм работы сознания и в других модальностях (слух, зрение).

«Отражательная модель» позволяет определить, как сознание относится к мозгу и к физическому миру, не обращаясь к дуализму и не скатываясь в редукционизм.

Сознание (experiences) возникает из отраженного взаимодействия инициирующего стимула с перцептуальным процессом. Это взаимодействие результируется в сознаваемом феноменальном мире, который включает то, о чем мы обычно думаем как о «физическом мире». Это то, что мы обычно принимаем как физический мир, есть часть того, что мы сознательно испытываем; это не то, что в стороне от этого. Если так, то не может быть несоединимого «мостом» раздельного содержания сознания от восприняемого (experienced) физического феномена.

Известный английский философ Д. Серл, пристально наблюдающий за развитием исследований по проблематике сознания, в одной из своих последних публикаций представил обзор и критический анализ наиболее представительных концепций сознания в современной англо-американской научной литературе [12].

Сам автор, отвергая как материализм, так и дуализм, в решении проблемы сознания придерживается тезиса, что «сознание — это естественный биологический феномен» [12]. Поясняя свою позицию, Серл, в частности, отмечает: «Мы не замечаем естественной, биологической характеристики сознания и других психических феноменов в связи с философской традицией, рассматривающей „психическое“ и „физическое“ как взаимно исключающие категории. Выход заключается в признании непригодности как дуализма, так и материализма и принятии сознания как „качественного“, субъективного „психического“ феномена и, в то же время, естественную часть физического мира» [12]. В этом вопросе Серл предельно последователен, считая, что «мы поймем сознание, когда определим в биологических деталях, как мозг производит его», т. е., «как нейробиологические процессы в мозге вызывают сознание?» [12]. Более того, Серл допускает, что сознание есть обычный биологический феномен, сопоставимый с произрастанием, пищеварением или секрецией желчи [12, с. 6].

Биологический подход Серл также иллюстрирует высказыванием Ф. Крика, предполагающего, что «все психические проявления, как то: радость и печаль, память, чувства, стремления и свобода воли фактически не более чем деятельность необозримого количества ансамблей нейронных сетей и соответствующих молекул» [12, с. 21]. В этом плане Серл достаточно оптимистичен. Он считает, что необходимы нейробиологические

исследования для точного определения микроуровневых мозговых процессов, обеспечивающих качественные состояния сознания, и как точно эти состояния отражены в нейробиологических системах. По мнению Серла, это самый важный вопрос в биологических науках [12, с. 129].

Что касается определения сознания, то у Серла оно носит двойственный характер. Автор дифференцирует «аналитическое» определение сознания, в котором, главным образом, анализируется сущность феномена и «общепринятое» определение, апеллирующее к тем состояниям ощущений (чувствительности) и знания об этом (отдавать себе отчет), которые обычно появляются, когда мы пробуждаемся от сна, и продолжаются до очередного отхода ко сну или впадаем в кому или умираем, или, другими словами, впадаем в бессознательное состояние [12, с. 5]. Согласно Серлу, сознание как таковое не обязательно включает самосознание [12, с. 6], и высшие позвоночные также обладают сознанием [12, с. 5].

Всю проблематику сознания Серл разделяет на четыре подгруппы в соответствии с трудностями, возникающими в процессе их решения. Первая группа трудностей связана с той границей между физической реальностью, описываемой средствами науки, и психической реальностью души, выходящей за пределы научного метода, которая сложилась благодаря работам Декарта и Галилея еще в XVII в. Этот дуализм психического и материального в то время был полезен для научных исследований, т. к. не противоречил религии. Но дуализм стал препятствием в XX в., т. к. выводит сознание и другие психические феномены за пределы физического мира [12, с. 6].

Вторая ошибка связана с привычным заключением, что психика — это свойство мозга, качественно отличное от самого мозга. Отсюда дуализм. Ошибка заключается в унификации причинно-следственных связей в одну: если А происходит вслед за Б, то А является причиной Б, что не всегда так [12, с. 7].

В третью очередь Серл обращает внимание на множество терминологических обозначений одного и того же понятия (consciousness, awareness, qualia) сознания. Вопреки другим авторам, Серл считает ненужным умножать количество терминов, определяющих сознание, т. к., по его мнению, все они выражают один и тот же феномен сознания как серии качественно определенных состояний. Суть третьей трудности, помимо терминологии, заключается в неясности до сегодняшнего дня того, как вполне наблюдаемый мозг может производить нечто внутреннее, качественно дифференцируемое в различных состояниях сознания, ощущениях и носящих очень «приватный» характер («Моя боль доступна мне определенным качеством переживания, недоступным другому»). Как может этот приватный субъективный качественный феномен быть вызван обычным физическим процессом типа электрохимических вспышек в синапсах нейронов? Существуют качественно-специфические ощущения для каждого типа состояний сознания и существуют разногласия в том, как наши способы видения в форме субъективных ощущений отражают объективную реальность. Некоторые называют это проблемой «qualia» (качественная специфика восприятия мира унифицированными средствами мозга) [12, с. 8—9].

Четвертая проблема — это стремление использовать компьютерную метафору, соответствующую мнению многих, что мозг — это вычислительное устройство (компьютер), а психика — компьютерная программа. Но любая компьютерная программа — это манипуляция символами, а мы знаем из собственного опыта, что душа (психика) реализует нечто большее, чем манипуляция символами, душа предполагает контекст [12, с. 10]. Серл выступает против компьютерной (вычислительной) аналогии сознания [12, с. 10].

В качестве пояснения Серл неоднократно приводит пример мысленного эксперимента «Китайская комната», в котором убедительно демонстрируется несводимость такого явления сознания, как понимание (семантический процесс), к манипуляции символами, определяемой как синтаксический процесс. Сознание — это эмерджентное свойство мозга, т. е. такое же системное качество, превосходящее сумму элементов системы, как и свойство воды, не сводящееся к свойствам составляющих воду газов водорода и кислорода [12, с. 18].

Придерживаясь биологической концепции в объяснении сознания, Серл в то же время резко не приемлет крайний бихевиоризм Деннетовского отношения к сознанию. Деннет — единственный из рассмотренных Серлом авторов, кто отрицает существование сознания и объясняет любой познаваемый опыт простыми операциями типа счетной машины [12, с. 125]. Серл отмечает, что Деннет определяет науку таким образом, который исключает возможность научного изучения субъективности [12, с. 114].

Критикуя Деннета, Серл в качестве одного из аргументов использует уже упоминавшийся мысленный эксперимент «Китайская комната». Суть эксперимента в следующем. Представьте, что Вы не знаете китайского языка и Вас поместили в комнату с большим количеством информации на китайском языке (символы). Вам дают небольшое количество взаимосвязанных китайских символов и правила (программу) действий. Вы можете осуществлять определенные операции с символами согласно программе (правилам) и вернуть результат (ответы на вопросы). То есть, Вы выступаете в роли компьютера, выполняющего программу ответа на вопросы на китайском, но невозможно утверждать, что Вы понимаете китайские слова [12, с. 11].

Серл считает, что наличие программы (алгоритма) перевода с китайского не означает понимания китайского языка, т. к. семантика человеческого знания не свойственна формальным синтаксическим программам компьютера [12, с. 127]. Автор отвергает бихевиористскую логику Деннета, согласно которой система, которая действует так, как будто имеет психическое состояние, должна обладать психикой. Действительно, если компьютер выполняет определенные интеллектуальные операции, следовательно, компьютер обладает сознанием; т. к. это невозможно, то следует признать, что сознания не существует.

Противоположным полюсом концепции Деннета можно рассматривать теорию Чалмерса. Однако Серл не менее активно критикует и этот подход, основанный на представлении о том, что сознание является нефизической характеристикой мира [12, с. 164]. По Чалмерсу, сознание — это нечто дополнительное, но не часть физического мира. Если физический мир может быть тем же без участия сознания, то сознание не является частью физического мира [12, с. 147]. Свое предположение Чалмерс подкрепляет воображаемым экспериментом, в котором система, физически идентичная обычной человеческой вплоть до молекул, за отсутствием лишь состояний сознания, т. е. мир с другими физическими законами, другой мир, в котором законы природы другие, может иметь все физические свойства в целом, но без сознания. Из этого Чалмерс заключает, что сознание не является физическим свойством мира [12, с. 148].

Серл считает объяснения Чалмерса по проблеме сознания абсурдными — и самым большим абсурдом идею панпсихизма; главная рекомендация автора — забыть об устаревших картезианских категориях и постоянно напоминать себе, что мозг такой же биологический орган, как и другие, а сознание — вполне биологический процесс, как и пищеварение или фотосинтез. В этом Серл усматривает «корректный подход к решению проблемы» [12, с. 163].

Серл считает, что Чалмерс использует комбинацию дуализма (физическое и психическое, суть две различные субстанции) и функционализма (психические состояния различных «систем», будь то человек, машина или что-то другое, заключаются в физических функциональных состояниях системы; а функциональные состояния определяются в терминах множества причинных связей).

Серл также подвергает сомнению однозначное соответствие функциональной организации мозга и сознания, т. к. при стабильной функциональной организации могут быть различные проявления сознания, и резко критикует широкий информационный подход Чалмерса к проблеме сознания [12, с. 150—151] (Чалмерс выделяет два аспекта информации — физический и феноменальный). Серл не принимает Чалмеровской трактовки информации как предпосылки сознания, апеллируя к примеру с древесными кольцами, которые информируют о возрасте дерева только того, кто способен воспринять эту информацию [12, с. 176]. По мнению Серла, «Чалмерс пытается превратить сознание в „информацию“, которая не имеет специальной связи с мозгом» [12, с. 179].

Одинаково отвергая два противоположных концептуальных плана решения проблемы сознания в проектах Деннета и Чалмерса, Серл снова поясняет, что «проблема сознания» — это проблема точного объяснения того, как нейробиологические процессы в мозге определяют (cause) (вызывают) наши субъективные состояния сознания (awareness) или чувствительности (sentience); как в деталях (exactly) эти состояния реализуются в мозговых процессах и каково (exactly) место функций сознания в общей организации функций мозга и всей жизни человека. Серл также считает, что если будет найден ответ на первую часть вопроса, т. е. что является причиной сознания, то ответить на оставшиеся вопросы будет относительно легче [12, с. 192]. Таким образом, Серл увязывает решение проблемы сознания с дальнейшим развитием нейронауки, т. е. с междисциплинарным подходом. В то же время автор явно симпатизирует исследовательской программе Розенфелда (I. Rozenfeld), представляющей образец унитарного подхода [1]. Розенфелд, придавая особое значение связи между сознанием и памятью, вводит понятие «телесный образ». Серл иллюстрирует это понятие реальным экспериментом с читателем (ущипнуть себя в левом предплечье, что естественно вызовет ощущение боли, но в действительности боль появляется в головном мозгу, что очевидным образом доказывают примеры фантомных болей в ампутированных конечностях). Мозг формирует образ тела в целом. И когда мы чувствуем боль или любое другое ощущение в теле, действительное возникновение ощущения реализуется в телесном образе в головном мозге.

Серл поясняет тезис Розенфелда о телесном образе следующим образом: наше ощущение себя в точности такое же ощущение, затрагивающее телесный образ... Розенфелд называет это «само-референцией» ("self-reference") всего сознания. Все наши осознаваемые явления — это «самореференция» в том смысле, что они связаны с опытом самоощущения, который есть то же самое, что и телесный образ. Однородность (coherence) сознания во времени и пространстве также связана с телесным опытом посредством телесного образа, а без памяти эта однородность невозможна [12, с. 183]. Согласно Розенфелду память нельзя понимать как хранилище информации, но как непрерывную активность мозга. По Розенфелду память и самоощущение (self) взаимосвязаны и особенно сцеплены с телесным образом.

Серл считает, что предположения Розенфелда о главных основаниях природы сознания, основанные на изучении расстройств сознания, позволяют осуществить наиболее важные применения для будущих исследований, в которых должна доминировать мысль,

что опыт нашего собственного тела является главной (центральной) отправной точкой всех форм сознания.

Серл убежден: «Теоретическая важность этого утверждения основывается на факте, что любая теория сознания должна принять как факт, что сознание начинается с сознания тела», которое, в свою очередь, взаимосвязано с миром [12, с. 184]. Не все сознание — сознание о телесном, но все сознание начинается с опыта ощущений тела посредством телесных образов [12, с. 185].

Подводя весьма предварительный итог этому весьма неполному обзору философско-психологических работ по проблеме сознания в США и Европе, отметим наиболее заметные различия в разработке проблемы.

Если в Российской психологии исследовательское внимание концентрируется, главным образом, на вопросах определения и структуры сознания, то в зарубежной науке — на так называемой «трудной проблеме сознания», т. е. на вопросах: «Почему появляется сознание и как оно связано с физическим миром?» (В. Baars, D. Chalmers, D. Dennett, J. Searle, J. Shear, F. Varela, M. Velmans и др), достаточно проработанных в Российской психологии с философских позиций диалектического и исторического материализма. Вместе с тем, следует отметить, что словосочетание «Российская психология» концептуально неоднородно в пространственно-временном отношении. Дореволюционный, советский и постсоветский периоды, существенно отличаясь по территориально-политическому и социально-экономическому устройству государства, конечно, сказались на тенденциях развития психологической науки в России, особенно значительно в связи с идеологическим диктатом в советский период, который характеризуется, тем не менее, и значительными достижениями в теоретической психологии. И хотя в ретроспективном плане важно учитывать, каким было, по выражению В. П. Зинченко, «сознание психологов» советской эпохи («кто за совесть, а кто за страх» исповедовал марксистскую философию. См.: *Зинченко, В. П. Мысль и слово Густава Шпета. М., 2000. С. 128*), в проспективной оценке можно констатировать, что общими усилиями была выстроена достаточно стройная система научных психологических знаний, которой органично предшествовали многие работы дореволюционного периода, а перестроечное брожение мало что изменило, за исключением устранившегося избытка ссылок и цитат из классиков марксизма-ленинизма.

Можно сожалеть, критически относиться или даже отвергать философскую диалектико-материалистическую основу отечественной психологии, но невозможно не признать как исторический факт, что именно эта методология определила лицо Российской психологии. Поэтому изменения, совершенствование, развитие — вполне возможны и корректны, но категорический отказ равносителен потере лица. Кроме того, нельзя не отметить и плюсы, связанные с избранной методологией. Это, в частности, снятие проблемы Декартовского дуализма или различного рода редукционизма в объяснении сознания. Что касается полного решения проблемы взаимосвязи телесного и психического (body-mind) или, более широко, материального и идеального (психического, сознательного), т. е. ответа на вопросы, почему и как сознание возникает и взаимодействует с мозговыми, нейрофизиологическими процессами, то развитие унитарного и междисциплинарного подходов будет способствовать встречному движению в решении проблемы [1].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопов, Г. В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара, 2002.
2. Поляков, С. Э. Мифы и реальность современной психологии. М., 2004.
3. Швалб, Ю. М. Целеполагающее сознание (психологические модели и исследования). Киев, 2003.
4. Chalmers, D. J. Facing up to the problem of consciousness. JCS, 1995, 2 (3), pp. 200—219.
5. Clark, T. W. Function and Phenomenology: closing the explanatory gap. JCS, 1995, 2(3), pp. 241—55.
6. Dennett, D. C. Darwin's Dangerous Idea (New York: Simon and Schuster), 1995.
7. Hodgson, D. The easy problems ain't so easy. JCS, 1996, 3(1), pp. 69—75.
8. Libbet, B. Solutions to the problem of consciousness. JCS, 1996, 3(1), pp. 33—35.
9. Lowe, E. J. There are no easy problems of consciousness. JCS, 1995, 2(3), pp. 266—271.
10. Mills, E. Giving up on the hard problem of consciousness. JCS, 1996, 3(1), pp. 26—32.
11. Seager, W. Consciousness, information and panpsychism. JCS, 1995, 2(3), pp. 272—288.
12. Searl, J. R. The Mystery of Consciousness. Granta Books. London, 1997.
13. Shear, J. The hard problem: Closing the empirical gap. JCS, 1996, 3 (1), pp. 54—68.
14. Varela, F. J. Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem. JCS, 1996, 3(4), pp. 330—349.
15. Velmans, M. Consciousness brain, and the physical world, Philosophical Psychology, 1990, 3(1), 77—99.
16. Velmans, M. A reflexive science of consciousness, in Experimental and theoretical studies of consciousness, Ciba Foundation Symposium № 176, Wiley, Chichester, 1993.
17. Velmans, M. Understanding consciousness. London: Routledge, 2000, pp. 308.
18. Zeman, A. The paradox of consciousness. *Lancet*, 01.06/2001, Vol. 357 Issue 9249, p. 77.
19. JCS — The Journal of Consciousness Studies.

PSYCHOLOGY OF CONSCIOUSNESS: RUSSIAN AND FOREIGN STUDIES

G. V. Akopov

The paper examines a number of Russian and foreign studies on the problem of consciousness.

Key words: consciousness, structure, model.